

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2015–2016 учебный год
Региональный этап

Первый тур

11 класс

Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (НА ВАШ ВЫБОР) произведения.

Проза	Поэзия
Исаак Бабель	Борис Слуцкий
Ди Грассо	Бесплатная снежная баба

Исаак Бабель

Ди Грассо

Мне было четырнадцать лет. Я принадлежал к неустрашимому корпусу театральных барышников. Мой хозяин был жулик с всегда прищуренным глазом и шёлковыми громадными усами. Звали его Коля Шварц. Я угодил к нему в тот несчастный год, когда в Одессе прогорела итальянская опера. Послушавшись рецензентов из газеты, импресарио не выписал на гастроли Ансельми и Тито Руффо и решил ограничиться хорошим ансамблем. Он был наказан за это, он прогорел, а с ним и мы. Для поправки дел нам пообещали Шаляпина, но Шаляпин запросил три тысячи за выход. Вместо него приехал сицилианский трагик ди Грассо с труппой. Их привезли в гостиницу на телегах, набитых детьми, кошками, клетками, в которых прыгали итальянские птицы. Осмотрев этот табор, Коля Шварц сказал:

– Дети, это не товар...

Трагик после приезда отправился с кошёлкой на базар. Вечером – с другой кошёлкой – он явился в театр. На первый спектакль собралось едва ли пятьдесят человек. Мы уступали билеты за полцены, охотников не находилось.

Играли в тот вечер сицилианскую народную драму, историю обыкновенную, как смена дня и ночи. Дочь богатого крестьянина обручилась с пастухом. Она была верна ему до тех пор, пока из города не приехал барчук в бархатном жилете. Разговаривая с приезжим, девушка невпопад хихикала и невпопад замолкала. Слушая их, пастух ворочал головой, как потревоженная птица.

Весь первый акт он прижимался к стенам, куда-то уходил в развевающихся штанах и, возвращаясь, озирался.

– Мёртвое дело, – сказал в антракте Коля Шварц, – это товар для Кременчуга...

Антракт был сделан для того, чтобы дать девушке время созреть для измены. Мы не узнали её во втором действии – она была нетерпима, рассеянна и, торопясь, отдала пастуху обручальное кольцо. Тогда он подвёл её к нишей и раскрашенной статуе святой девы и на сицилианском своём наречии сказал:

– Синьора, – сказал он низким своим голосом и отвернулся, – святая дева хочет, чтобы вы выслушали меня... Джованни, приехавшему из города, святая дева даст столько женщин, сколько он захочет; мне же никто не нужен, кроме вас, синьора... Дева Мария, непорочная наша покровительница, скажет вам то же самое, если вы спросите её, синьора...

Девушка стояла спиной к раскрашенной деревянной статуе. Слушая пастуха, она нетерпеливо топала ногой. На этой земле – о, горе нам! – нет женщины, которая не была бы безумна в те мгновенья, когда решается её судьба... Она остаётся одна в эти мгновения, одна, без девы Марии, и ни о чём не спрашивает у неё...

В третьем действии приехавший из города Джованни встретился со своей судьбой. Он брился у деревенского цирюльника, разбросав на авансцене сильные мужские ноги; под солнцем Сицилии сияли складки его жилета. Сцена представляла из себя ярмарку в деревне. В дальнем углу стоял пастух. Он стоял молча, среди беспечной толпы. Голова его была опущена, потом он поднял её, и под тяжестью загоревшегося, внимательного его взгляда Джованни задвигался, стал ёрзать в кресле и, оттолкнув цирюльника, вскочил. Срывающимся голосом он потребовал от полицейского, чтобы тот удалил с площади сумрачных подозрительных людей. Пастух – играл его ди Грассо – стоял задумавшись, потом он улыбнулся, поднялся в воздух, перелетел сцену городского театра, опустился на плечи Джованни и, перекусив ему горло, ворча и косясь, стал высасывать из раны кровь.

Джованни рухнул, и занавес, – грозно, бесшумно сдвигаясь, – скрыл от нас убитого и убийцу. Ничего больше не ожидая, мы бросились в Театральный переулок к кассе, которая должна была открыться на следующий день. Впереди всех нёсся Коля Шварц. На рассвете «Одесские новости» сообщили тем немногим, кто был в театре, что они видели самого удивительного актёра столетия.

Ди Грассо в этот свой приезд сыграл у нас «Короля Лира», «Отелло», «Гражданскую смерть», тургеневского «Нахлебника», каждым словом и движением своим утверждая, что в исступлении благородной страсти больше справедливости и надежды, чем в безрадостных правилах мира.

На эти спектакли билеты шли в пять раз выше своей стоимости. Охотясь за барышниками, покупатели находили их в трактире – горланящих, багровых, извергающих безвредное кощунство.

Струя пыльного розового зноя была впущена в Театральный переулок. Лавочники в войлочных шлёпанцах вынесли на улицу зелёные бутылки вина и бочонки с маслинами. В чанах, перед лавками, кипели в пенистой воде макароны, и пар от них таял в далёких небесах. Старухи в мужских штиблетах продавали ракушки и сувениры и с громким криком догоняли колеблющихся покупателей. Богатые евреи с раздвоенными, расчёсанными бородами подъезжали к Северной гостинице и тихонько стучались в комнаты черноволосых толстух с усиками – актрис из труппы ди Грассо. Все были счастливы в Театральном переулке, кроме одного человека, и этот человек был я. Ко мне в эти дни приближалась гибель. С минуты на минуту отец мог хватиться часов, взятых у него без позволения и заложенных у Коли Шварца.

Успев привыкнуть к золотым часам и будучи человеком, пившим по утрам вместо чая бессарабское вино, Коля, получив обратно свои деньги, не мог, однако, решиться вернуть мне часы. Таков был его характер. От него ничем не отличался характер моего отца. Стиснутый этими людьми, я смотрел, как проносятся мимо меня обручи чужого счастья. Мне не оставалось ничего другого, как бежать в Константинополь. Всё уже было сговорено со вторым механиком парохода «Duke of Kent»*, но перед тем как выйти в море, я решил проститься с ди Грассо. Он в последний раз играл пастуха, которого отделяет от земли непонятная сила. В театр пришли итальянская колония во главе с лысым и стройным консулом, поёживающиеся греки, бородатые экстерны, фанатически уставившиеся в никому невидимую точку, и длиннорукий Уточкин. И даже Коля Шварц привёл с собой жену в фиолетовой шали с бахромой, женщину, годную в гренадёры и длинную, как степь, с мятым, сонливым личиком на краю. Оно было омочено слезами, когда опустился занавес.

– Босьяк, – выходя из театра, сказала она Коле, – теперь ты видишь, что такое любовь...

Тяжело ступая, мадам Шварц шла по Ланжероновской улице; из рыбьих глаз её текли слёзы, на толстых плечах содрогалась шаль с бахромой. Шаркая мужскими ступнями, трясая головой, она оглушительно, на всю улицу, высчитывала женщин, которые хорошо живут со своими мужьями.

– Циленька – называют эти мужья своих жён – золотко, деточка...

Присмиривший Коля шёл рядом с женой и тихонько раздувал шёлковые усы. По привычке я шёл за ними и всхлипывал. Затихнув на мгновение, мадам Шварц услышала мой плач и обернулась.

– Босьяк, – вытаращив рыбки глаза, сказала она мужу, – пусть я не доживу до хорошего часа, если ты не отдашь мальчику часы...

Коля застыл, раскрыл рот, потом опомнился и, больно ущипнув меня, боком сунул часы.

– Что я имею от него, – безутешно причитал, удаляясь, грубый плачущий голос мадам Шварц, – сегодня животные штуки, завтра животные штуки... Я тебя спрашиваю, босьяк, сколько может ждать женщина?..

Они дошли до угла и повернули на Пушкинскую. Сжимая часы, я остался один и вдруг, с такой ясностью, какой никогда не испытывал до тех пор, увидел уходившие ввысь колонны Думы, освещённую листву на бульваре, бронзовую голову Пушкина с неярким отблеском луны на ней, увидел в первый раз окружавшее меня таким, каким оно было на самом деле, – затихшим и невыразимо прекрасным.

* «Граф Кентский» (англ.).

1937

Борис Слуцкий

Бесплатная снежная баба

Я заслужил признательность Италии.

Её народа и её истории,

Её литературы с языком.

Я снегу дал. Бесплатно. Целый ком.

Вагон перевозил военнопленных,

Пленённых на Дону и на Донце,

Некормленных, непоеных военных,

Мечтающих о скоростном конце.

Гуманность по закону, по конвенции

Не применялась в этой интервенции

Ни с той, ни даже с этой стороны,

Она была не для большой войны.

Нет, применялась. Сволочь и подлец,

Начальник эшелона, гад ползучий,

Давал за пару золотых колец

Ведро воды теплушке невезучей.

А я был в форме, я в погонах был
И сохранил, по-видимому, тот пыл,
Что образован чтением Толстого
И Чехова и вовсе не остыл,
А я был с фронта и заехал в тыл
И в качестве решения простого
В теплушку бабу снежную вкатил.

О, римлян взоры чёрные, тоску
С признательностью пополам мешавшие
И долго засыпать потом мешавшие!

А бабу – разобрали по куску.

1968